

Огонь по собственным штабам

Артем Магун

8 февраля по требованию государственной пожарной инспекции и решением Дзержинского суда была на 90 дней приостановлена учебная деятельность Европейского Университета в Санкт-Петербурге. 18 февраля суд подтвердил это решение. Университет закрыт, занятия в нем не ведутся. Руководство Университета заняло крайне осторожную позицию, избегая политической интерпретации происходящего, однако провело все же 19 февраля пресс-конференцию, в которой обвинило неизвестные силы, враждебные кандидату в президенты Медведеву, в желании устроить скандал перед выборами.

Предыстория этого события такова. В 2007 году Университет получил грант Европейского Союза на мониторинг предстоящих выборов и обучение наблюдателей. Вскоре один из депутатов Госдумы подал запрос о соответствии этого проекта лицензии Университета. В дальнейшем С. Ястржембский и Президент РФ В. Путин упомянули Университет как пример вмешательства ЕС во внутренние дела России и предложили симметричные меры (российские учреждения, проводящие мониторинг выборов в Европе). В течение некоторого времени руководство проекта и университета вызывали в прокуратуру, по-видимому, рассматривая возможность открытия уголовного дела. Возможности этой не нашли и решили идти другим путем.

В Университете появились комиссии Федеральной регистрационной службы, Комитета по науке Правительства Санкт-Петербурга и пожарной инспекции. Несмотря на то, что в январе 2008 г. руководство Университета закрыло упомянутый проект мониторинга выборов, одна из этих комиссий – пожарная – закрыла университет. Она предъявила список из 52 нарушений

Редакция журнала благодарит Артема Магуна за разрешение напечатать данный текст с измененным названием. Текст воспроизводится по изданию Артем Магун. «Закрывать Европейский Университет, или Огонь по собственным штабам», *Что делать?* Газета новой творческой платформы, № 17. Баста!, http://www.chtodelat.org/index.php?option=com_content&task=view&id=435&Itemid=205.

пожарной безопасности. Исправление той части из них, которая быстро поддавалась исправлению, не дало результатов – 18 февраля суд подтвердил свое решение вплоть до устранения остальных нарушений. Между тем, оставшиеся нарушения поддаются исправлению медленно и дорого, или не поддаются вовсе (в силу исторического статуса здания). Надо отметить, что за год до этого регулярная проверка пожарной инспекции не выявила в Университете никаких нарушений. В очень многих образовательных учреждениях Санкт-Петербурга пожарная безопасность находится на таком же или более низком уровне, что и в Европейском Университете.

Таким образом, мы имеем дело с типичным для России 2000-х годов «рейдом», исходящим в данном случае откуда-то с самого верха «вертикали» или «вертикалей» власти. Новизна здесь только в том, что мишенью в этом случае стало *образовательное* учреждение, причем учреждение, ориентированное на международную науку и с момента своего создания использующее западную систему образования (учебная аспирантура, кредитная система, американская система оценивания, интерактивное преподавание, акцент на письменные работы и т.д.).

Итак, ближайшим образом, закрытие Университета стало частью нового тренда в российской политике, развившегося в последний год и выразившегося в борьбе с влиянием Запада: закрытие Британских советов, конфликты с европейскими наблюдателями на выборах, обвинение правозащитников и других либералов в том, что они «шакалют» и т.д. Разумеется, режим не может позволить себе настоящей изоляции от Запада по двум причинам. Во-первых, он зависит от Запада как от покупателя нефти и газа, как от надежного держателя российских денег, как от инвестора и как от комфортного места для проведения роскошного отпуска. Во-вторых, он ведет избирательную «модернизацию» страны, то есть проводит ее техническое переоснащение и вводит неолиберальные технократические методы управления (сити-менеджеры вместо мэров, менеджмент, исходящий из задач, финансовая дисциплина и т.д.).

Поэтому Европейский Университет, по большей части занимающийся высокопрофессиональной, но объективистской социальной наукой либеральной ориентации, чувствовал себя в безопасности, как часть некоего экспертно-технократического аппарата, необходимого неолиберальной власти – и западной, и российской. В большинстве случаев это такая социальная наука, в которой изучение классовых антагонизмов заменяется анализом индивидуальных стратегий, основным объяснительным механизмом является «рациональный», то есть адаптивный, экономический расчет, а демократическая политика понимается как конкуренция элит.

Объективизм подобных исследований позволяет не только делать краткосрочные прогнозы, но также, что важно, вписывать российскую ситуацию в общемировой контекст, тем самым вольно или невольно нормализуя ее. Однако благодаря, во-первых, объективизму, во-вторых, сосредоточенности на локальной

ситуации, здесь редко появляются новые критические теории мирового исторического целого. Это объясняется объективными же обстоятельствами – во-первых, неокOLONIALНОЙ логикой западных научных фондов и журналов, заказывающих ученым из стран периферии и полупериферии исследования именно этой периферии и полупериферии, во-вторых, общей логикой западных институций социальных наук, устанавливающих строгие эмпирико-объективистские критерии для исследований. Таким образом, с одной стороны, из массы научных работ исключаются голословные, чисто идеологичные материалы, но с другой стороны, социальная действительность подвергается фрагментации и реификации.

Конечно, как любое серьезное интеллектуальное сообщество, Европейский не занимает сугубо конформной позиции, а является местом, где *помимо* экспертного анализа существует и критическая дискуссия, и теоретическое обобщение. Но они выступают как некая свободная, добавочная потенциальность, указывающая на нереализованные амбиции соответствующих ученых, и даже институции в целом, выйти за рамки своей ниши в международном научном сообществе и в своем государстве и претендовать на охват целого, то есть на гегемонию. Таким образом, в случае Европейского Университета мы имеем дело с классической полуавтономной интеллектуальной институцией, *штабом* космополитической интеллигенции.

И по этому штабу ударил залп со стороны авторитарного неолиберального режима, страхующегося от идеологического влияния мощного соседа. В перспективе это значит, что автономия интеллектуалов будет разрушена и научно-образовательные институции будут поставлены под идеологический контроль государства. Но ирония в том, что, во-первых, у нынешней власти *нет* серьезной, то есть *универсалистской*, идеологии (их национализм сводится к усмотрению всего хорошего в себе и дурного в чужих), а во-вторых, в государственных ВУЗах, в отсутствие западной системы организации образования, царит страшный упадок дисциплины и интеллектуального уровня – об этом свидетельствует хотя бы история с соцфаком МГУ, где власти упорно отказываются заменить декана, уличенного в плагиате (!).

То есть речь на самом деле не идет о навязывании своей идеологии интеллектуалам. Речь идет о *разрушении* образовательных институций и об *отказе* от социальной рефлексии. Ведь позитивистский объективизм дает пусть неглубокое, но твердое знание об обществе. А вот социология, приписывающая проценты по звонку из Кремля, или учащая о православной духовности русского народа, не способна дать об обществе никакого знания. Учреждения, где студенты платят взятки за поступление, за экзамены, а преподаватели воруют чужие учебники, не могут транслировать *никакой* идеологии, однако способны выпестовать циничную, коррумпированную личность, пригодную для работы в госструктурах.

Впервые в новой истории России, скажем так, со времен Николая Первого, власть вообще отказывается от опоры на интеллигенцию и заменяет ее полубоб-

разованным чиновничеством и низкопробной культуриндустрией. Они решили, что обойдутся без социальной рефлексии и развития высокой культуры, пока бизнесмены выстраивают культуру корпоративную, пиарщики – культуру массовую, а неохваченных всегда можно купить на нефтяные излишки. Интересно, что при всей антизападной направленности подобных мер они *аналогичны* текущим тенденциям во многих странах Запада, где автономия образования разрушается, конечно, не такими варварскими методами, как у нас, но путем технократического реформирования университетов – их переориентации на самостоятельное зарабатывание денег, навязывания позитивистски-объективистской методологии и т.д. То есть в нашем контексте автономия социальной науки разрушается путем закрытия Европейского Университета, а на Западе она разрушается путем превращения традиционных университетов в учреждения, подобные Европейскому (но без его автономности от спонсоров). Зеркало, работающее «со сдвигом по фазе».

Излишне говорить о том, что ставка на технократию в гуманитарных и социальных науках губительна. Она неизбежно приведет к нарастанию социальной аномии, распаду институтов и острым социальным конфликтам по первому подвернувшемуся поводу (этническому, экономическому и т.д.). Чтобы это предсказать, не нужно и Европейского Университета...

Теперь к текущей ситуации. Европейский Университет, как анклав, не контролирующийся полностью ни российским государством, ни Западом, был, несмотря на свою элитистско-экспертную направленность, зоной автономии для Петербурга и для всей России. Об Университете ходили легенды, его упоминал Пелевин, он был «модным» местом для молодежи. Здесь проходили конференции, презентации, семинары, объединявшие передовых неформально и творчески настроенных людей из интеллигенции, студенчества и других социальных слоев.

Университет, с одной стороны, позволял жить в России (пускай на зарплату в 5 раз ниже, чем западная) интеллектуалам, делающим международную научную карьеру, стимулировал к такой карьере все научное и студенческое общество. А с другой – он был важнейшим центром социальной мобильности для небогатых студентов из регионов. То есть удар нанесен, с одной стороны, по интеллектуальной элите, патристически мирящейся со скромным достатком, а с другой – по бедным ребятам из регионов, которые поставили себе в жизни высокие цели. Государство, по сути, устроило *локаут* против неугодных.

Итак, нанесен удар по интеллигенции и студенчеству страны, удар, который является сигналом к подчинению: за ним последует более широкая волна *Gleichschaltung*, выстраивания, научных и образовательных учреждений. Поэтому группа «Что делать?» призывает своих читателей протестовать, оказывать гражданское сопротивление подобным мерам. Пусть у нас мало сил, но их будет становиться все больше по мере дальнейшего остервенения и поглупления властей.